

ПОЛИТИКА ПРИВЛЕЧЕНИЯ ПРЯМЫХ ИНВЕСТИЦИЙ: АСИММЕТРИЯ ГЛОБАЛЬНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ*

Е.Н. Петрушкевич**

Представлены результаты исследования изменений в политике привлечения прямых иностранных инвестиций в группах стран за период 2009 – начало 2023 г. Показано, что главным объектом политики в области международных прямых инвестиций в странах мировой экономики остаются прямые иностранные инвестиции (ПИИ), в регулировании которых наблюдается асимметрия глобальной трансформации. В развитых странах среди новых изменений в ПИИ-политике стали доминировать ограничительные меры жесткого типа и системного характера, в то время как в странах развивающихся и с транзитивной экономикой преобладают либерализация и совокупность стимулирующих и содействующих мер.

Ключевые слова: прямые иностранные инвестиции, государственное регулирование, ПИИ-политика.

JEL-классификация: F21, O10.

DOI: 10.46782/1818-4510-2023-2-36-52

Материал поступил 26.05.2023 г.

Политика привлечения прямых инвестиций государств стала атрибутом открытости и активной глобализации мировой экономики в последние три десятилетия. Вашингтонский консенсус (1989 г.), сформулировавший правила либерализации экономики, и затем Монтеррейский консенсус ООН (2002 г.), закрепивший особое значение прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в финансировании развития стран мировой экономики, легли в основу экономической повестки и формулы экономического развития для всех транзитивных и развивающихся стран. Развитые страны всегда характеризовались высокой степенью открытости, в том числе для инвестиций, поэтому служили образцом для построения и реформирования политики привлечения прямых иностранных инвестиций. Все нововведения в этой политике и ее трансформация измерялись по развитым странам.

Однако в последнее десятилетие стали наблюдаться значительные изменения в политике привлечения прямых иностранных инвестиций (ПИИ-политике) в сторону сворачивания либерализации в ряде стран, преимущественно развитых. Связано ли это только с кризисами и посткризисным восстановлением (мировым экономическим и финансовым кризисом 2008–2009 гг., пандемией COVID-19, многомерным глобальным кризисом с 2022 г.) или есть другие, более фундаментальные, основы или факторы, влияющие на устойчивую тенденцию к росту протекционизма? Основная гипотеза в рамках данного исследования следующая: рост ограничений в ПИИ-политике развитых стран имеет не спонтанный, а системный характер. Для ее проверки были изучены изменения в ПИИ-политике в развитых и развивающихся странах, а также стран с транзитивной экономикой с 2009 г.

* Статья выполнена в рамках государственной программы научных исследований «Общество и гуманитарная безопасность белорусского государства», подпрограмма «Экономика» на 2021–2025 годы», задания 2.04 «Методологические основы и инструментальный совершенствования инновационно-инвестиционных механизмов обеспечения социально-экономической безопасности государства в условиях глобальной реконфигурации внешнеэкономических связей (2021–2025 гг.)».

** **Петрушкевич Елена Николаевна** (petrushkevich@list.ru), кандидат экономических наук, доцент, Белорусский государственный экономический университет (г. Минск, Беларусь); <https://orcid.org/0000-0001-5962-0405>

Для цитирования: Петрушкевич Е.Н. 2023. Политика привлечения прямых инвестиций: асимметрия глобальной трансформации. *Белорусский экономический журнал*. № 2. С. 36–52. DOI: 10.46782/1818-4510-2023-2-36-52

по январь-февраль 2023 г. Для последующей детализации методики исследования необходимо остановиться на отдельных методологических аспектах.

Методологические аспекты исследования

Следует отметить, что развитые страны, ставшие примером в организации ПИИ-политики, осуществляли регулирование двух видов прямых инвестиций по отношению к национальной экономике, т. е. привлекаемых и размещаемых за рубежом. Причем они детально отслеживали двусторонние потоки и накопления, или образуемую при этом собственность, в рамках международной инвестиционной позиции по прямым инвестициям. Кроме того, мировые потоки и накопления трансграничных прямых инвестиций также традиционно оцениваются по двум направлениям в документах ЮНКТАД и МВФ.

Таким образом, необходима методологическая определенность в обозначении прямых инвестиций по отношению к отдельно взятой стране, а именно под *прямыми иностранными инвестициями* понимаются вложения предпринимательского капитала в прямой форме иностранными компаниями в экономику страны, а *вывозимые прямые инвестиции (ВПИ)* — вложения предпринимательского капитала в прямой форме национальными компаниями за рубежом¹. Различия двух названных разновидностей прямых инвестиций важны прежде всего с макроэкономической точки зрения, в том числе понимания степени контроля или зависимости стран-реципиентов от иностранных компаний, и наоборот, рисков национальных компаний, имеющих подразделения за рубежом.

Логично было бы оба этих потока называть внешними прямыми инвестициями, однако из-за сложности и нелинейности формирования системы корпоративной собственности в современной мировой эконо-

мике часто собственность национальных компаний может находиться под иностранным контролем, хотя прямые инвестиции в эту компанию не пересекали границу страны. Данные обстоятельства позволяют взглянуть на феномен прямых инвестиций между странами гораздо шире, опираясь при этом на понятие *международных прямых инвестиций (МПИ)*², которые целесообразно определить как форму международных экономических отношений, объединяющую разнонаправленные межстрановые потоки предпринимательского капитала, вкладываемые в приобретение доли в собственности предприятий прямого инвестирования для обеспечения контроля или влияния на их деятельность, осуществления внутрифирменного международного обмена ресурсами и активами. То есть МПИ — это тип международного движения капитала в предпринимательской форме, охватывающий его притоки и оттоки в отдельной стране или между странами.

Исходя из данной терминологии, разграничивающей потоки и накопления прямых инвестиций по направлениям, следует заметить, что в отношении их национального регулирования наблюдается противоречивый подход. Исследования и рекомендации по политике привлечения ПИИ и факторам инвестиционного климата многочисленны, в то время как в отношении ВПИ-политики исследования проводятся гораздо реже и касаются в основном некоторых стран — глобальных инвесторов из числа развивающихся и с транзитивной экономикой. Рекомендации со стороны международных экономических организаций по организации ВПИ-политики для развивающихся стран и стран с транзитивной экономикой не осуществляются.

В то же время отдельные государственные мероприятия по активизации прямого инвестирования компаниями за рубежом и соответствующая политика стали использоваться правительствами развитых стран на несколько десятилетий ранее, чем поли-

¹ Инвестиции национальных субъектов хозяйствования за рубеж традиционно назывались «процессом вывоза капитала» в теории империализма (Р. Гильфердинга, В.И. Ленина). Поэтому из всех дефиниций процесса экспорта капитала в предпринимательской форме (зарубежные, внешние и др.) наиболее подходящим является термин «вывозимые прямые инвестиции», поскольку отражают главным образом создание собственности и основных активов за рубежом.

² Термин «международные инвестиции» активно используется в рамках утвержденных норм и в публикациях ОЭСР, некоторых исследованиях. Понятие «прямые международные инвестиции» упоминается ОЭСР, но не дается его определение (URL: <http://dx.doi.org/10.1787/9789264203204-ru>).

тика привлечения ПИИ. Появление политики привлечения ПИИ как совокупности мероприятий, прямо и косвенно регулирующих притоки прямых инвестиций, стало возможным в середине 80-х годов XX в., что связано с изменением представлений правительств прежде всего развивающихся государств о влиянии ПИИ на экономическое развитие, со сменой враждебного отношения к предприятиям с иностранным капиталом на благоприятное³.

Мониторинг изменений ПИИ-политики проводится двумя международными организациями: ЮНКТАД в рамках ежегодных докладов о мировых инвестициях⁴ (UNCTAD, 1993–2022) и ОЭСР по странам-членам и партнерам⁵. Данный мониторинг показывает введение мер, но не анализирует тенденции. Исследования по структуре и реформированию ПИИ-политики названными организациями проводятся на страновой основе и не затрагивают вопросов общих тенденций.

Поэтому проблема уточнения роли ограничений в ПИИ-политике на современном этапе не решена и требует специального исследования.

Для проверки основной гипотезы исследования – рост ограничений в ПИИ-политике развитых стран объясняется целенаправленным подходом и имеет системный характер – были поставлены следующие задачи:

- определить структуру изменений в регулировании МПИ по двум группам стран (развитые страны; страны развивающиеся и с переходной экономикой) по основным объектам регулирования и направлениям в долгосрочном периоде и выделить тенденции;
- выявить значение ПИИ-политики в регулировании МПИ на национальном уровне на современном этапе;

³ Ранее правительства развивающихся стран рассматривали ПИИ как источник потери национального суверенитета из-за иностранного контроля над ключевыми отраслями и производствами национальной экономики. Вместо того чтобы разрешить доступ МПИ на национальные рынки, страны стимулировали покупку отдельных элементов, сопровождающих ПИИ: технологии, управленческие ноу-хау, брэнды и т. д. То есть покупку так называемых «распакованных ПИИ» («unpackaged FDI») (Ozawa, 1974).

⁴ URL: <https://unctad.org/topic/investment/world-investment-report>

⁵ Freedom of Investment Process. 2013–2021. URL: <https://search.oecd.org/daf/inv/investment-policy>

- провести сравнительный анализ изменений по группам стран и выделить особенности;
- выявить роль ограничений в регулировании МПИ и ПИИ по группам стран на современном этапе;
- проанализировать типы и причины вводимых ограничений по группам стран для определения их отличительных черт на современном этапе.

Структура и типы современной ПИИ-политики

За время существования политики привлечения ПИИ в международной практике накоплено значительное количество инструментов для ее реализации, которые нашли отражение в современной экономической литературе (например, Mortimore, Vergara, 2004; Nicolas, Thomsen, Bang, 2013).

В целом инструменты ПИИ-политики по направлениям и методам можно сгруппировать по четырем блокам (рис. 1), исходя из регулирующего направления (методы защиты собственности иностранных инвесторов, ограничительные методы, стимулирующие и содействующие)⁶. Причем инструменты ПИИ-политики в рамках определенного метода могут применяться в различных формах государственного регулирования, а именно правовых, организационных, административных и экономических.

Выбор инструментов для совершенствования ПИИ-политики страны в современной мировой экономике достаточно велик. Более того, их использование имеет свои ограничения на различных этапах инвестиционного проекта. Так, на предпроектной стадии возможно применение только инструментов маркетингового характера, а также ряда инструментов содействия ПИИ в организационной форме.

Различное сочетание инструментов ПИИ-политики и использование в иной последовательности может привести к совершенно противоположным результатам. При этом целесообразно выделить два существенных критерия, которые определяют противоположные типы ПИИ-политики, а именно:

⁶ Петрушкевич Е.Н. (Ред.). 2021. *Международная инвестиционная деятельность*. Минск: Белорусский государственный экономический университет. С. 187–221.

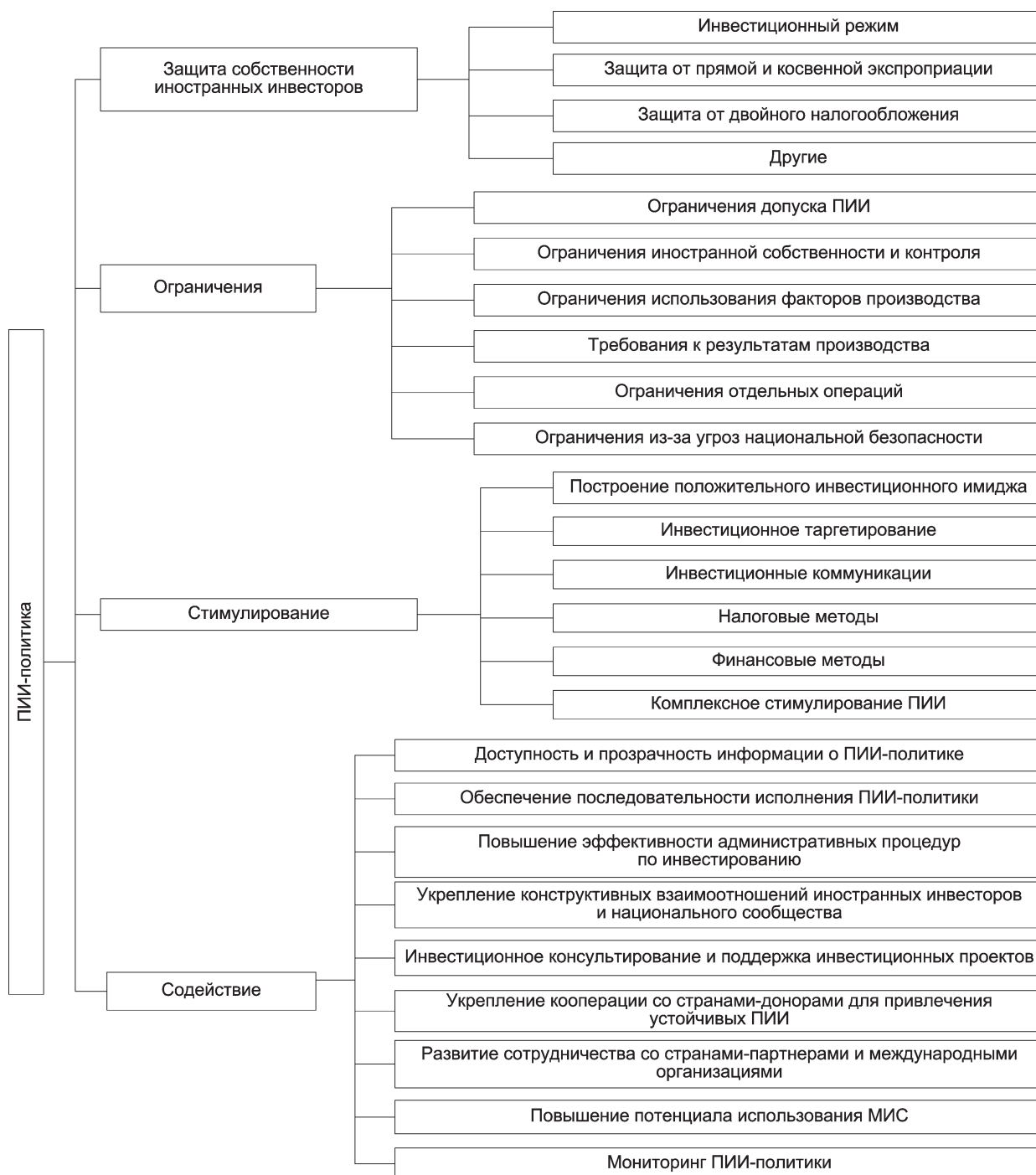

Рис. 1. Направления и методы ПИИ-политики государства

Источник. Авторская разработка.

• критерий интенсивности использования ограничительных методов. По нему следует различать *протекционистский* и *открытый* типы ПИИ-политики. Открытая ПИИ-политика характеризуется минимальным ограничением государством притока ПИИ, а протекционизм, наоборот, предполагает регулирование государства, ограничивающее приток ПИИ. Протекционизм в отношении

ПИИ «охватывает новые мероприятия, предпринимаемые государством для предотвращения или разубеждения иностранных инвесторов в инвестировании или пребывании в стране-реципиенте» (Sauvant, 2009), и меры, направленные на ограничение возможностей использования и снижения конкурентоспособности уже инвестированного капитала (Гусарова, 2014);

• критерий частоты изменений мер регулирования. Он позволяет выделить *активный* и *пассивный* типы ПИИ-политики. Пассивный тип подразумевает, что политика состоит из системы нормативных правовых актов, регулирующих прямые иностранные инвестиции. То есть такой тип политики рассчитан на долгосрочный период, не реагирует на изменения внешней среды. Активный тип, напротив, предполагает использование не только правовых инструментов для оперативных корректировок содержания ПИИ-политики в зависимости от изменений обстановки в стране и за ее пределами.

Тенденции развития ПИИ-политики на современном этапе

В развитии государственной ПИИ-политики в странах мировой экономики правомерно выделить ряд характерных для XXI в. тенденций на основе отслеживания и оценки изменений в регулировании МПИ с 2009 по начало (январь-февраль) 2023 г. в странах-членах и партнерах ОЭСР (всего 57 стран и ЕС)⁷, в рамках чего удалось охватить 776 принятых мер, систематизированных по объектам регулирования и направлениям ПИИ-политики (табл. 1).

Первой тенденцией является развитие и обогащение ПИИ-политики за счет новых методов и инструментов. Причем ПИИ-политика модифицировалась не только благодаря росту количества используемых инструментов привлечения ПИИ, но и за счет появления нового функционального направления (содействие ПИИ), а также новых методов (прежде всего инвестиционного таргетирования и инвестиционных коммуникаций, многообразия методов содействия ПИИ).

Вторая тенденция – рост инструментов МПИ-регулирования, распространяющихся на оба направления инвестиций одновременно – на ВПИ и ПИИ. В разные

годы в период 2009 – начала 2023 г. доля таких инструментов составляла 12-18% от общего их числа (см. табл. 1), причем большинство применяется в области усиления и смягчения ограничений.

В качестве *третьей тенденции* можно отметить увеличение инструментов регулирования ПИИ, которые одновременно нацелены на национальные и иностранные прямые инвестиции. Большинство таких мер можно обнаружить среди стимулирующих и содействующих групп мероприятий. Они составляли долю почти в 14% от изменений в странах-членах и партнерах ОЭСР с 2009 г. (см. табл. 1).

Четвертая тенденция заключается в недостаточном росте новых мероприятий в области достижения целей устойчивого развития с помощью ПИИ. С 2009 г. в странах ОЭСР и партнерах большинство из девяти мер было принято в отношении стимулирования (6) и содействия (1). Хотя ограничения также имеют место. Так, Мексика в 2020 г. установила ограничения на инвестиции в возобновляемые источники энергии из-за пандемии COVID-19. Франция в 2022 г. расширила охват секторов для экспертизы иностранных инвестиционных проектов, включающих технологии производства возобновляемой энергии.

Необходимо отметить, что стимулирующие мероприятия для достижения ЦУР ООН чаще всего применяются в отношении прямых инвестиций как национального, так и иностранного происхождения⁸. В

⁷ Отслеживание изменений и сбор данных производились на основе базы данных ОЭСР и базы данных ЮНКТАД Investment Policy Monitor. Деление стран на развитые и развивающиеся и с транзитивной экономикой осуществлялось на основе классификации ООН до 2022 г., в рамках которой изучалась ПИИ-политика 33 развитых стран и 24 стран развивающихся и с транзитивной экономикой, являющихся странами-членами и партнерами ОЭСР.

⁸ Опыт стран ЕС показывает, что экологическая политика для инвестиций, в том числе ПИИ, в «зеленую» экономику охватывает ряд основных элементов: закрепление норм и правил экологической политики в национальном законодательстве, а также разработку программ стратегического развития; изменение стандартов традиционного производства и организации производства экологически чистой продукции; использование системы стимулов, включая налоговые льготы и финансовые инструменты, поддерживающие инвестиции в «зеленую» экономику; определение финансовых институтов, через которые осуществляется финансовая поддержка «зеленых» проектов; применение различных требований и контроля в отношении «зеленых» инвестиций и производств; усиление исследовательской базы и мониторинга развития «зеленой» экономики (Петрушкевич Е.Н. 2022. *Прямые иностранные инвестиции в «зеленую экономику»: формирование условий и стимулирование*. Устойчивое развитие Республики Казахстан в условиях перехода к «зеленой экономике»: применение опыта стран Европейского союза: сборник трудов международной научно-практической конференции. Астана: Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева. С. 44–48).

Таблица 1

Количество инструментов государственного регулирования, распространяющихся на различные группы МПИ, введенных в странах-членах и партнерах ОЭСР в 2009 – начале 2023 г., ед.

Направления (меры) регулирования	Объекты регулирования в развитых странах						Объемы регулирования в развивающихся странах и странах с транзитивной экономикой					
	ВПИ	МПИ (ПИИ и ВПИ)	ПИИ и национальные инвестиции во внутреннюю экономику	Общее число мер		В том числе введенные для целей национальной безопасности	ВПИ	МПИ (ПИИ и ВПИ)	ПИИ и национальные инвестиции во внутреннюю экономику	Общее число мер		В том числе введенные для целей национальной безопасности
				Всего	Всего					Всего	Всего	
Защита собственности и доходов инвесторов	-	3	-	-	3	1	-	-	8	4	12	-
Отказ от защиты собственности и доходов инвесторов	-	-	-	-	-	-	-	-	2	-	2	-
Ограничительные меры	18	27	150	5	200	28	2	17	91	7	117	76
Либерализационные меры	0	12	40	4	56	1	16	22	142	18	198	1
Стимулирующие меры	3	3	5	19	30	2	4	4	28	40	76	1
Содействующие меры	0	2	23	2	27	8	4	3	38	10	55	3
Всего	21	47	218	30	316	40	26	46	309	79	460	81

Источник. Авторская разработка на основе: Freedom of Investment Process, 2013–2021. URL: <https://search.oecd.org/daf/inv/investment-policy>; URL: <https://investmentpolicy.unctad.org/investment-policy-monitor>

то же время есть практика стимулирования ПИИ в ЦУР. Например, в 2022 г. в Италии введены системы долгосрочных льгот для производства биометана иностранными инвесторами, а в Великобритании в 2023 г. созданы два «зеленых» свободных порта в Шотландии.

В качестве *пятой тенденции* можно выделить обособление регулирования ПИИ в секторы цифровой экономики, которые сочетают ограничительные и либерализационные меры. По данным ЮНКТАД, благоприятные эффекты цифровизации и развития цифровых компаний могут быть обеспечены за счет трансформации политики привлечения иностранных инвестиций, охватывающей следующие компоненты⁹: изменение стратегии привлечения инвестиций, модификация инвестиционного регулирования на национальном и международном уровнях, встраивание политики привлечения прямых инвестиций в стратегию развития цифровой экономики, приведение всех смежных видов экономической политики в непротиворечивое взаимодействие. Элементы данной трансформации наблюдаются во многих странах, однако применение широкомасштабных стимулирующих мер долгосрочного характера *для развития цифровой экономики и привлечения цифровых компаний* характерно лишь для некоторых стран. Так, в КНР в 2021 г. принят Циркуляр «О построении новой модели развития и эффективной стабилизации иностранных инвестиций» (открытие отраслей цифровой экономики в ЗСТ, поощрение создания штаб-квартир МНП и др.); в ОАЭ в 2022 г. введен интегрированный пакет услуг для привлечения цифровых компаний в упрощенном порядке с использованием общегосударственного подхода.

Шестой тенденцией в развитии ПИИ-политики в странах мировой экономики можно назвать появление противоречивой либерализации, т. е. либерализация продолжается на фоне роста протекционизма. По данным ежегодных отчетов ЮНКТАД о мировых инвестициях, доля либерализационных мероприятий в реформировании ПИИ-политики в XXI в. преобладала и со-

ставляла 68–94%, хотя и существенно снизилась в 2020–2021 гг. до 58%¹⁰.

В рамках противоречивой либерализации ПИИ-политики можно выделить следующие особенности:

1) усилилась либерализация за счет новых направлений: углубления двустороннего регулирования и интеграционных соглашений; допуска иностранных инвесторов к приватизации инфраструктурных объектов (например, в ЕС — аэропорты, телекоммуникации, почтовые услуги); роста прозрачности и устойчивости в программах либерализации в наиболее привлекательных для ПИИ развивающихся экономиках (например, Китай, Индия, Индонезия, Вьетнам);

2) либерализация сопровождается усилением географической дифференциации, т. е. снижение барьеров сравнительно выше для отдельных стран — чаще партнеров по интеграционным соглашениям или по отношению к преференциальным партнерам. При этом наблюдается так называемый инвестиционный разворот для некоторых стран или групп стран (Хейфец, 2015). Например, в 2014 г. в Индии учрежден межминистерский комитет для ускорения рассмотрения инвестиционных предложений инвесторов из США и Японии;

3) либерализация более активно проходила в развивающихся странах и странах с транзитивной экономикой по сравнению с развитыми странами. На основе оценки изменений в ПИИ-политике с 2009 по начало 2023 г. в странах-членах и партнерах ОЭСР (всего 57 стран и ЕС) можно увидеть, что доли либерализационных мер отличаются по группам: в развивающихся странах и странах с транзитивной экономикой доля составляла 35% за почти пятнадцатилетний период, в то время как в развитых странах — только 14% (см. табл. 1);

4) самая либерализованная область в мировой экономике — налоговая, что подтверждается Индексом экономической свободы¹¹. Причем налоговое стимулирование применяется главным образом одновременно для национальных и иностранных прямых инвестиций, характеризуется более

⁹ URL: https://unctad.org/system/files/official-document/wir2017_en.pdf; URL: https://unctad.org/system/files/official-document/wir2022_en.pdf

¹⁰ URL: https://unctad.org/system/files/official-document/wir2022_en.pdf

¹¹ URL: <https://www.heritage.org/index/>

активным использованием развивающимися странами в составе особых экономических зон различного типа и других комплексов стимулирующих программ;

5) преобладание дальнейшей либерализации сопровождается ростом ограничений, составивших долю в 42% в 2020–2021 гг. Рост наблюдается прежде всего в развитых странах, где ограничений было принято в 3 раза больше, чем либерализационных мер (50% против 14%), а также больше, чем ограничений в развивающихся странах, доля которых составляла 21% в период 2009 – начала 2023 г. (см. табл. 1).

Данное исследование показывает, что в периоды мировых, региональных и национальных экономических кризисов, а также при геополитическом противостоянии использование ограничительных мер в отношении ПИИ странами увеличивается, что подтверждается также другими наблюдениями (Горда, 2020) и позволяет классифицировать данное явление как «шоковый протекционизм». В отличие от эволюционного роста ограничений, который предлагается именовать «системный протекционизм», шоковый протекционизм состоит из ограничений временного характера – при стабилизации экономики или нормализации геополитических отношений они постепенно смягчаются и элиминируются. Чаще всего применяются *антикризисные* (усиление валютного контроля, валютных ограничений, контроля трансграничного движения капитала, снижение порога доли иностранного инвестора для экспертизы инвестиционных проектов и др.) и *санкционные меры*.

В отношении экономических санкций анализ показывает существование среди них значительного количества мер, которые связаны с инвестициями прямо или косвенно и являются типом жесткого протекционизма во внешнеинвестиционной политике государства. Большинство из них, как правило, находится в группе финансовых санкций. Санкционные типы ограничений в экономике являются силовыми методами (Кристиневиц, 2019), поэтому и в регулировании МПИ отличаются преобладанием запретительных инструментов и распространяются преимущественно на потоки вывозимых прямых инвестиций.

Необходимо отметить значительное влияние санкционного принуждения на сокращение деятельности многонациональных компаний в странах – адресатах санкций.

Системный протекционизм, как представляется, охватывает долгосрочные ограничения в отношении ПИИ (или МПИ в целом) и связан с коррекцией и контролем поведения прямых иностранных инвесторов и иностранных компаний. Он сопровождается учреждением институтов по мониторингу и контролю (например, в 2007 г. в США создан Комитет по иностранным инвестициям, в 2019 г. в ЮАР – Комитет по национальной безопасности для экспертизы иностранных инвестиций в секторах критической инфраструктуры), расширением ограничений в отношении ПИИ (или МПИ) с различной интенсивностью контроля.

Представляется, что все рестрикционные меры в отношении ПИИ (или МПИ в целом) можно разделить на две группы по степени контроля над инвестициями и деятельностью компаний:

- «жесткие» ограничения используются главным образом в прямой форме методами административного типа. Они запрещают или значительно лимитируют свободу осуществления инвестиций и дальнейшего функционирования компаний. Это запреты на приобретение земли и компаний, новые инвестиции в отдельные секторы экономики;

запреты и ограничения на осуществление определенных видов деятельности, использование факторов производства. Например, в Австралии в 2010 г. введено требование обязательного строительства объекта в течение 24 месяцев на приобретенной в иностранную собственность земле;

необходимость экспертизы или скрининга операций компаний с иностранным капиталом. Например, в Испании в 2020 г. введена временная экспертиза для всех иностранных инвесторов, приобретающих 10% и более капитала, или эффективного контроля испанских компаний в секторах критической инфраструктуры и технологий, секторах с доступом к чувствительной информации и массмедиа. В Италии временная экспертиза, введенная в 2020 г. в связи с угрозами национальной безопасности из-

за пандемии, с 2022 г. стала постоянной и распространилась на расширенный список операций;

требования в отношении специфики отдельных операций и др.;

- «мягкие» ограничения направлены на коррекцию поведения иностранных компаний в стране и национальных компаний за рубежом. Они осуществляются административными методами преимущественно уведомительного характера, а также в косвенной форме и представлены в первую очередь экономическими и информационными методами. Например, в Австралии в 2010 г. введены требования регистрации приобретенной недвижимости в иностранную собственность; в 2015 г. введена пошлина за экспертизу инвестиционных проектов; в 2017 г. учрежден Центр стратегической инфраструктуры для оценки риска угроз национальной безопасности от прямых иностранных инвестиций и предоставления рекомендаций правительству.

Седьмой тенденцией в развитии ПИИ-политики является усиление системного протекционизма в отношении ПИИ. Он стал проявляться точно с 2005–2007 гг., но существенно усилился с 2019 г., когда для всех стран ЕС стал обязательным для адаптации принятый в ЕС Регламент 2019/452, устанавливающий правила и ужесточающий условия экспертизы иностранных инвестиций в ЕС, включая обмен информацией об инвестициях, угрожающих интересам безопасности более одного государства ЕС.

В 2020–2023 гг. системный протекционизм был усилен за счет шокового перехода стран к использованию «жестких» форм ограничений селективного характера как на привлекаемые прямые инвестиции и деятельность компаний с иностранным капиталом, так и на вывозимые прямые инвестиции и филиалы национальных компаний, функционирующих за рубежом.

При этом причины ужесточения ограничений в современной мировой экономике многочисленны. В их основе находятся следующие условия функционирования экономики стран: переломные изменения в глобальном конкурентном пространстве (Праневич, 2021), приоритетность нацио-

нального контроля над базисным капиталом¹² и технологиями (Муха, 2022), желание осуществлять государственный контроль на микроуровне (прежде всего ТСиП) для устранения «провалов рынка», в том числе из-за активности иностранного бизнеса, и способствовать структурной перестройке экономики (Воробьев, Филиппова, 2022), особенно в условиях последовательных многомерных кризисов и разрывов глобальных цепочек создания стоимости, когда применение посткейнсианских подходов к достижению сбалансированного роста становится наилучшей стратегией развития (Быков, Пархименко, 2022). Таким образом, среди основных причин ужесточения ограничений для ПИИ можно выделить:

- осмысление необходимости привлечения ПИИ, позитивно влияющих на устойчивое развитие стран-реципиентов;
- предотвращение уклонения от налогов МНП;
- угрозы иностранного контроля над национальными активами (в том числе стратегическими, военными технологиями, объектами критической инфраструктуры) со стороны третьих стран, в частности, в связи с растущей долей ТСиП в развитых странах, когда покупателями выступают компании из развивающихся стран, в особенности государственные предприятия (например, из Китая) и суверенные фонды национального благосостояния;
- угрозы вытеснения национальных компаний на национальном и международном рынках;
- ответные меры на угрозы, вызванные пандемией COVID-19;
- угрозы деятельности иностранных цифровых компаний и невозможности защитить персональные данные, другую чувствительную и критически важную информацию;
- необходимость контроля производства медицинских товаров и аппаратуры;
- необходимость защиты и удержания конкурентных позиций страны как технологической метрополии;

¹² Бондарь А.В. 2022. Базисный капитал в XXI в. *Экономический рост Республики Беларусь*: глобализация, инновационность, устойчивость: материалы XV Международной научно-практической конференции. Минск: Белорусский государственный экономический университет. С. 9–10.

• геополитическое противостояние на двустороннем и многостороннем уровнях и введение ограничений в форме санкционного давления в прямой и косвенной формах на национальные и иностранные инвестиционные потоки.

В исследовании мероприятий по регулированию МПИ, введенных в странах ОЭСР и партнерах в 2009 – начале 2023 г., обнаруживается, что связанных с национальной безопасностью было около 50% от всех принятых мер в развитых странах и 17,6% от новых мер в развивающихся странах и странах с транзитивной экономикой (см. табл. 1). Это свидетельствует об асимметричности применения системного протекционизма в мировой экономике, что составляет *восемью тенденцию* в развитии ПИИ-политики и регулировании в целом МПИ.

Оценивая реакцию стран на пандемию COVID-19, можно заметить, что исследование 33 развитых стран и ЕС, а также 78¹³ развивающихся стран и стран с транзитивной экономикой показало, что развитыми странами применялись в основном ограничения, связанные с экспертизой в отношении ПИИ, которые в последующие годы стали постоянными (*системный протекционизм*). В то же время в другой группе преимущественно принимались меры стимулирующего и содействующего типов. Например, в Республике Маврикий была введена инвестиционная надбавка на капитальные затраты в период COVID-19, в Уругвае, Узбекистане, Кувейте и Вьетнаме приняты комплексы налоговых льгот для иностранных инвесторов. Необходимо отметить, что в период пандемии COVID-19 различные налоговые инструменты поддержки¹⁴ прежде всего бизнеса (преимущественно малого и среднего) и домашних хозяйств применялись представителями всех рассматриваемых групп стран.

Таким образом, рост использования ограничительных инструментов в регулировании ПИИ демонстрирует переход от точечного и шокового протекционизма к увеличению системного протекционизма, что является подтверждением деглобализации мировой экономики, которая стала очевидной в период «Великого карантина» (Праневич, Петрушкевич, Лукьянин, 2022). Наиболее чувствительной областью инвестирования в контексте национальной безопасности стран являются внешние потоки предпринимательского капитала, поэтому международный опыт свидетельствует о современной значительной корректировке инвестиционных механизмов в рамках внешнего сектора экономики.

Следует отметить, что использование ограничительных мероприятий осложняется противоречиями в понимании национальной безопасности и невозможностью точного определения национальности инвестора в современном глобализованном мире (Петрушкевич, 2016. С. 128–129). В связи с этим в развитии ПИИ-политики в странах мировой экономики возникла необходимость разрешения проблемы использования инструментов госрегулирования с учетом сложных схем многонациональной собственности компаний. В ПИИ-политике появляются новые задачи: выявление прямого и первичного инвестора; предотвращение иностранного контроля через миноритарные доли; избежание использования выгод, предназначенных для иностранных инвесторов, национальными физическими и юридическими лицами, которые связаны с защитой по ДИД (двусторонним соглашениям о взаимной защите и поощрении инвестиций), налоговыми послаблениями по ДИДН (двусторонним соглашениям об избежании двойного налогообложения), льготами в рамках национальной ПИИ-политики (Петрушкевич, 2016. С. 129–132).

¹³ К группе стран-членов и партнеров ОЭСР, состоящих в мониторинге ОЭСР (24 развивающиеся страны), были добавлены для исследования еще 54 развивающиеся и страны с транзитивной экономикой, а именно: Антигуа и Барбуда, Азербайджан, Албания, Алжир, Ангола, Бурунди, Бенин, Ботсвана, Боливия, Вануату, Венесуэла, Вьетнам, Габон, Гондурас, Доминиканская Республика, Замбия, Зимбабве, Иран, Ирак, Кабо-Верде, Камбоджа, Конго, Куба, Кения, Кот-д'Ивуар, Кувейт, Ливия, Лаос, Мозамбик, Мьянма, Маврикий, Мальдивы, Намибия, Непал, Нигерия, ОАЭ, Оман, Пакистан, Па-

нама, Руанда, Сальвадор, Северная Македония, Сейшельские острова, Сомали, Сьерра-Леоне, Судан, Танзания, Узбекистан, Уругвай, Фиджи, Филиппины, Черногория, Шри-Ланка, Эфиопия.

¹⁴ Киреева Е.Ф., Янголь Е.С. 2022. Налоговые инструменты поддержки национальной экономики во время кризиса: мировой опыт. *Совершенствование налогового администрирования: материалы VI Республиканской научно-практической конференции*. Уфа: Уфимский государственный авиационный технический университет. С. 55–58.

В связи с этим в странах наблюдается конкретизация правовой терминологии для уточнения национальности инвестора, бенефициара и др. Например, в США в 2020 г. уточнено понятие «основного места деятельности» компании.

Таким образом, ПИИ-политика как сложный компонент государственного регулирования постоянно меняется по составу и содержанию, причем в различных группах стран эти изменения имеют свои особенности.

Особенности ПИИ-политики в группах стран

Сравнительный анализ государственного регулирования ПИИ в развитых странах и развивающихся на основе данного исследования в рамках упомянутой выше выборки стран помог выявить определенные особенности в содержании ПИИ-политики двух групп стран.

Характерными чертами современной политики привлечения прямых инвестиций в развитых странах можно назвать следующие:

- использование сдерживающих инструментов государственного регулирования по ограниченному числу видов экономической деятельности до 2018–2019 гг., а затем их значительное расширение. Ограничения всегда были жестко закреплены за каждой из стран ОЭСР в Кодексе либерализации движения капитала ОЭСР, который неоднократно пересматривался. В основном ограничения касались первичного сектора экономики (прежде всего приобретения сельскохозяйственных земель, добычи урановых руд), финансового сектора (в основном страхования и инвестиционных фондов), сферы транспорта и телекоммуникаций. Также ограничивались ПИИ преимущественно в форме ТСиП¹⁵. В остальных видах деятельности компании с иностранным капиталом регулировались развитой конкуренцией и антимонопольной политикой;

- с 2018–2019 гг. ограничительные инструменты административного характера («жесткие») стали применяться по более широкому спектру инвестиций (жилая недвижимость, лесное хозяйство, энергетические активы, технологии (двойного назначения, связанные с возобновляемой энер-

гетикой, производством полупроводников и др.). Страны начали активно принимать законы и создавать институты по контролю над инвестициями. Например, в США в 2018 г. принят «Закон о модернизации системы контроля за рисками иностранных инвестиций», в Израиле в 2019 г. создан Консультативный комитет по иностранным инвестициям при Кабинете безопасности, в Финляндии в 2019 г. принят ряд законов для усиления роли правительства в управлении рисками, связанными с иностранными инвестициями и владением недвижимостью;

- доминирование до 2019 г. среди ограничительных инструментов «мягких» ограничений с точечным введением различного рода экспертизы инвестиционных проектов при соблюдении прозрачности за счет ясных критериев и сроков рассмотрения проектов. С 2019 г. внедрение данного инструмента дискретной политики стало масштабным и более жестким (со снижением порога в доле иностранной собственности, по растущему числу отраслей) в странах ЕС и с 2020 г. – в других развитых странах. В 2019 – начале 2023 г. в развитых странах было принято более половины мер за весь период исследования с 2009 г., более 77% из которых составили ограничения. Кроме того, добавились инструменты контроля иностранных инвесторов в связи с пандемией. Затем их действие продлевалось. Например, в 2020 г. в Канаде усилен контроль над ПИИ любого объема и степени влияния, связанных со здравоохранением и поставками критически значимых товаров и услуг канадцам и правительству;

- введение новых ограничений, обусловленное соображениями национальной безопасности и, что чаще используется в формулировках, общественного порядка. Второй элемент причин введения ограничений может трактоваться очень широко. Поэтому, учитывая рост и упрочение позиций ограничений в ПИИ-политике в развитых странах, можно констатировать введение ими системного протекционизма селективного характера, когда ограничения касаются стран за пределами ЕС, ЕЭЗ, ОЭСР, реже – за пределами ВТО, НАТО, а также отдельных отраслей. При этом появились новые инструменты селективности. Например, США в 2022 г. на-

¹⁵ URL: <https://search.oecd.org/daf/inv/investment-policy/FOI-invest>

делили Канаду и Австралию после испытательного срока статусом постоянных членов, освобожденных от процедур экспертизы инвестиций, для Великобритании и Новой Зеландии назначен испытательный срок;

- интенсивное введение инструментов шокового протекционизма в период пандемии COVID-19 и экономических санкций в 2022 г. против РФ и РБ (всего более 28 санкций и пакетов санкций с прямым и косвенным механизмом воздействия на ПИИ в страны-инициаторы);

- преобладание в составе стимулирующих инструментов мер маркетингового характера (построение инвестиционного имиджа, таргетирование, коммуникации), гибких и оперативных, которые являются частью активного типа политики. Налоговые льготы применяются с привязкой к инновационному развитию компаний, привлечению талантливых людей и выдающихся предприятий, энергетической безопасности и изменению климата, визовым программам и др.;

- максимальное использование содействующих ПИИ мер прежде всего инвестиционного и налогового консалтинга через десятки АПИ в каждой стране, альтернативных методов разрешения споров, публикаций различных руководств, уточнения правовой терминологии.

Таким образом, ПИИ-политика развитых стран характеризовалась максимальной открытостью и активным подходом к привлечению инвестиций до 2018–2019 гг., которые стали поворотными в переходе к системному селективному протекционизму, трансформации потоков ПИИ и в целом МПИ.

В развивающихся странах и странах с транзитивной экономикой ПИИ-политика различается по степени либерализации ограничительных мер, использования маркетинговых мер стимулирования, а также методов содействия ПИИ. Характерными чертами ПИИ-политики развивающихся стран и стран с транзитивной экономикой являются следующие:

- продолжается формирование и совершенствование правовых инструментов защиты собственности и доходов прямых иностранных инвесторов в рамках: создания законодательных актов – хартий и ко-

дексов (инвестиционных, налоговых), законов (об инвестициях, СЭЗ, ГЧП и др.); гарантий от внесения изменений в законодательство; возможностей использования международных и альтернативных механизмов разрешения инвестиционных споров. В то же время появились случаи отказа от защиты собственности;

- либерализация условий для ПИИ происходит в разы интенсивнее по сравнению с введением ограничительных мер и в сравнении с развитыми странами за последние 15 лет (см. табл. 1). Новые ограничения охватывают в основном административные и экономические меры. Сравнительный анализ практики привлечения ПИИ в страны Латинской Америки и Юго-Восточной Азии с начала 90-х годов XX в. показывает, что максимальная либерализация не гарантирует приток ПИИ и не означает появление положительных прямых и косвенных эффектов (Agosin, Machado, 2007). Во многих странах ЮВА используются различные ограничения для ПИИ, и при этом они являлись и остаются более привлекательными для ПИИ, оказывающих значительное влияние на экономическое развитие. Например, Китай остается страной с широким перечнем ограничений и запретов для ПИИ в рамках негативного списка. Он обновлялся с 2011 г. каждые два года не только в сторону либерализации, но и ограничений, в соответствии с ним с 2021 г. допуск в 33 вида деятельности, которые не являются чувствительными, ограничен (доля собственности китайской стороны должна составлять большую часть) или запрещен;

- либерализация охватывает приватизационные меры, включая 100%-й допуск иностранных инвесторов в отдельные секторы, ликвидацию монополии в определенных видах деятельности, упрощение различных административных процедур;

- применяются требования к компаниям с иностранным капиталом, запрещенных ВТО в рамках Соглашения о связанных с торговлей инвестиционных мерах (ТРИМС). Например, в Анголе в 2020 г. введено требование содержания местного компонента ко всем компаниям, поставляющим товары и услуги для нефтяного сектора;

- элементы шокового протекционизма имеют антикризисный характер, охватывая прежде всего валютные ограничения. В период пандемии COVID-19 применялись преимущественно стимулирующие и содействующие мероприятия. К односторонним экономическим санкциям в 2022 г. присоединились некоторые страны, и контрсанкции применяются отдельными странами;

- для политики стимулирования характерны: преимущественное использование налоговых льгот (как отдельных, так и комплексов), хотя финансовые, валютные льготы и визовые программы также работают; использование некоторых мероприятий повышения инвестиционного имиджа, таргетирования и коммуникаций. Наблюдается переход от стимулирования крупных инвесторов к стимулированию развития технологий, НИОКР и регионов, а также привязка льгот к величине созданных рабочих мест и минимальной сумме инвестиций;

- активно вводятся инструменты государственного регулирования по содействию ПИИ, в особенности странами с растущими рынками, преимущественно направленные на консолидацию законодательства, повышение прозрачности регулирования, создание учреждений и перераспределение полномочий в системе реализации ПИИ-политики, облегчение прохождения административных процедур и инвестиционное консультирование. Причем некоторые модели ПИИ-политики отличаются тесным взаимодействием с правительствами крупных и стратегических инвесторов. Например, в Республике Корея в 2010 г. были введены государственные услуги по сопровождению иностранных инвесторов, планирующих крупные инвестиции.

Таким образом, ПИИ-политика в развивающихся странах и странах с транзитивной экономикой характеризуется активной либерализацией и льготированием, а также введением стимулирующих мероприятий маркетингового характера и содействующих инструментов.

***Эволюция ПИИ-политики:
от протекционизма к открытости
и снова к протекционизму***

Анализ содержания и структуры ПИИ-политики в XXI в., ее тенденций и особен-

ностей, выявленных различий в развитых и развивающихся странах позволил выделить 6 этапов в ее развитии (табл. 2) в зависимости от доминирования определенных направлений, форм и методов:

- до 1980-х годов. Преобладал протекционизм в отношении притоков ПИИ как в развитых, так и в развивающихся странах;

- с 1980-х по начало 1990-х годов. Политика привлечения ПИИ основывалась главным образом на либерализации ПИИ-режимов;

- с начала 1990-х по начало 2000-х годов. ПИИ-политика стала активной и приобрела форму продвижения ПИИ, основываясь не на правовых, а на более гибких (имеющих маркетинговую природу) инструментах, реализуемых агентствами по привлечению инвестиций. В практике отдельных стран была сформирована государственная ПИИ-стратегия;

- с начала 2000-х по 2008 г. ПИИ-политика пополнилась инвестиционным таргетированием, исходя из конкурентной позиции страны, изменений отраслевой структуры и стратегий инвесторов;

- с 2009 г. по настоящее время. Политика привлечения ПИИ стала ориентироваться на устойчивые инвестиции, интегрированные в экономику страны-реципиента, повышающие экологические и социальные стандарты, эффективно управляемые, без злоупотребления схемами по избежанию налогообложения и не создающие угроз национальной безопасности, что сопровождается некоторым увеличением мероприятий точечного протекционизма в различных странах;

- с 2019 г. по настоящее время. ПИИ-политика характеризуется резким увеличением и доминированием ограничений прежде всего в развитых странах; нацелена на недопущение угроз национальной безопасности и общественному порядку, поэтому применяются жесткие методы ограничений; охватывает дифференциацию и селективность либерализации и протекционизма в отношении стран и видов деятельности; использует многообразие инструментов стимулирования и содействия ПИИ как в отдельности, так и вместе с поощрением национальных инвестиций.

Таблица 2

Виды и эволюция политики привлечения ПИИ

Критерий	Протекционизм в отношении ПИИ (1 этап)	Открытая ПИИ-политика				Совмещение открытости с активизацией протекционизма (6 этап)
		2 этап	3 этап	4 этап	5 этап	
Характер	Доминирование протекционизма с региональной либерализацией	Пассивная политика, либерализация условий для ПИИ	Активная политика привлечения ПИИ	ПИИ-таргетирование	Таргетирование и содействие устойчивым ПИИ	Стимулирование и содействие ПИИ при доминировании системного протекционизма
Годы проявления	До 1980-х годов	С 1980-х по начало 1990-х годов	С начала 1990-х по начало 2000-х годов	С начала 2000-х по 2008 г.	С 2009 г. по настоящее время	С 2019 г. по настоящее время
Цель	Недопущение иностранного контроля над производством	Устранение препятствий для притока ПИИ	Активный приток ПИИ всех типов	Приток ПИИ, позитивно влияющих на экономический рост и экономическое развитие	Активизация притока ПИИ для устойчивого развития; сокращение дивестиций	Недопущение угроз национальной безопасности и общественному порядку
Задачи	Запрет и ограничения на ПИИ в большинстве секторов и отраслей экономики	Либерализация ПИИ-режима; формирование благоприятных условий для притока ПИИ в рыночной экономике	Стимулирование ПИИ с помощью агентств по привлечению инвестиций; маркетинговые ПИИ-стратегии	Стимулирование притока ПИИ в конкретные отрасли, формы и виды ПИИ	Привлечение ПИИ-проектов, интегрированных в экономику страны, устойчивых по экологическим, социальным и параметрам управления	Селективность либерализации, стимулирования, системного протекционизма по географии и видам деятельности. Использование жестких ограничений

Источник. Авторская разработка.

Очевидно, что развитые страны проходят шестой этап развития ПИИ-политики, в то время как развивающиеся страны и страны с транзитивной экономикой, находясь на различных этапах открытой политики, стремятся к пятому. Это свидетельствует об асимметричности восприятия ПИИ-регулирующими странами мира, о наличии центробежного тренда в процессах деглобализации.

* * *

Современная ПИИ-политика является довольно сложным типом политики, учитывая многообразие используемых инструментов, их сочетание, гибкость и интенсивность корректировки, в том числе под влиянием различных факторов. Она постоянно находится в развитии, и ключевые черты в ее изменениях свидетельствуют о переломных трендах и новых этапах в ее эволюции.

Исследование показало, что главным объектом регулирования в области МПИ в странах мировой экономики за последние 15 лет остаются прямые иностранные инвестиции. Причем страны используют как инструменты, распространяющиеся только на ПИИ, так и меры, направленные одновременно на ПИИ и ВПИ или ПИИ и национальные инвестиции.

В развитых странах стали активно применяться и даже доминировать среди новых изменений в ПИИ-политике ограничительные меры, в то время как в странах развивающихся и с переходной экономикой преобладают либерализационные меры и совокупность стимулирующих и содействующих изменений.

В составе вновь введенных ограничений в развитых странах стали доминировать ограничения жесткого типа – как шоковые, так и системного характера. Гипотеза об объяснении роста ограничений в ПИИ-политике развитых стран целенаправленным подходом и системностью подтвердилась прежде всего за счет фундаментальности и масштабности введения ограничительных мер, начиная с 2018–2019 гг., которые углубились, детализировались и масштабировались в период 2020 – начале 2023 г.

Таким образом, в мировой экономике наблюдаются разнонаправленные процессы

трансформации ПИИ-политики в двух группах стран: развитых и странах развивающихся и с транзитивной экономикой. Если первые вступили в фазу роста протекционизма в отношении ПИИ и углубления регионализации, то вторые главным образом идут по пути открытости. Асимметрия свидетельствует о глобальном переломе в мировых экономических процессах, ведущих к деглобализации.

В этих условиях необходимы переоценка инвестиционных механизмов и переосмысление стратегий экономического развития, в том числе для малой открытой экономики, какой является Республика Беларусь. Для республики, сформировавшей открытую ПИИ-политику с элементами таргетирования (4 этап), необходимо исходить из новых реалий и структурировать национальную ПИИ-политику на основе принципов открытости при соблюдении инвестиционной безопасности (Нарышкин, 2010; Филатова, 2015); поддержки и укрепления существующих внешнеэкономических связей на двусторонней основе (Преснякова, 2022); инвестиционного разворота в направлении дружественных стран, с которыми экономические отношения недостаточно развиты; инвестиционной конвергенции в рамках интеграционных связей, прежде всего в ЕАЭС.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ (REFERENCES)

Бьков А.А., Пархименко В.А. 2022. Обоснование стратегий развития обрабатывающей промышленности: теоретические подходы и инструментарий. *Труды БГТУ*. Серия 5. № 1. С. 132–144. [Bykau A.A., Parkhimenka U.A. 2022. Rationale of Strategies for Manufacturing Industry Development: Theoretical Approaches and Tools. *Trudy BGTU*. Series 5. No 1. PP. 132–144. (In Russ.)]

Воробьев В.А., Филиппова А.В. 2022. Макроэкономическая политика как фактор структурной трансформации экономики. *Научные труды Белорусского государственного экономического университета*. Вып. 15. Минск: БГЭУ. С. 99–104. [Vorobiev V.A., Filiptsova A.V. 2022. Macroeconomic Policy as a Factor in the Structural Transformation of the Economy. *Nauchnye trudy Belorusskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta*. Vyp. 15. Minsk: BGEU. PP. 99–104. (In Russ.)]

Горда О.С. 2020. Протекционизм в сфере регулирования прямых иностранных инвестиций стран G20. *Научный вестник: финансы, банки, инвестиции*. № 1. С. 104–111. [Gorda O. Protectionism in the Field of Regulation of Direct Foreign Investment Countries G20. *Nauchnyy vestnik: finansy, banki, investitsii*. No 1. PP. 104–111. (In Russ.)]

Гусарова С.А. 2014. Либерализация и инвестиционный протекционизм в странах БРИКС. *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 3: Экономика. Экология*. № 3. С. 66–78. [Gusarova S.A. 2014. Liberalization and Investment Protectionism in the BRICS Countries. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 3: Ekonomika. Ekologiya*. No 3. PP. 66–78. (In Russ.)] DOI: 10.15688/jvolsu3.2014.3.7

Кристиневич С.А. 2019. Санкции как силовой инструмент в глобальном политико-экономическом пространстве. *Белорусский экономический журнал*. № 1. С. 30–42. [Kristinevich S. 2019. Sanctions as a Forceful Instrument in the Global Political-Economic Area. *Belorusskiy ekonomicheskiy zhurnal*. No 1. PP. 30–42. (In Russ.)]

Муха Д.В. 2022. Актуальные вопросы обеспечения научно-технологической безопасности Республики Беларусь в условиях инновационного развития национальной экономики. *Вестник Института экономики НАН Беларуси*. С. 21–42. [Mukha D.V. 2022. Topical Issues of Ensuring Scientific and Technological Security of the Republic of Belarus in the Conditions of National Economy Innovative Development. *Vestnik Instituta ekonomiki NAN Belarusi*. PP. 21–42. (In Russ.)] DOI: 10.47612/27895122202242142

Нарышкин С.Е. 2010. Инвестиционная безопасность как фактор устойчивого экономического развития. *Вопросы экономики*. № 5. С. 16–25. [Naryshkin S. 2010. Investment Security as a Factor of Steady Economic Development. *Voprosy Ekonomiki*. No 5. PP. 16–25. (In Russ.)] DOI: 10.32609/0042-8736-2010-5-16-25

Петрушкевич Е.Н. 2016. *Международные прямые инвестиции в развитии мировой экономики XXI века*. Минск: Республиканский институт высшей школы. 252 с. [Petrushkevich E.N. 2016. *International Direct Investment in the Development of the World Economy in the 21st Century*. Minsk: Republikanskiy institut vysshey shkoly. 252 p. (In Russ.)]

Праневич А.А. 2021. Глобальное конкурентное пространство: новые условия, источники монополизации и возможности регулирования. *Белорусский экономический журнал*. № 1. С. 4–22. [Pranevich A. 2021. Global Competitive Space: New Context,

Monopolizing Sources and Regulation Opportunities. *Belorusskiy ekonomicheskiy zhurnal*. No 1. PP. 4–22. (In Russ.)] DOI: 10.46782/1818-4510-2021-1-4-22

Праневич А.А., Петрушкевич Е.Н., Лукьянин А.Д. 2022. Современная глобальная экономика: переосмысление сущности, факторы трансформации, противоречия и новые вызовы. *Белорусский экономический журнал*. № 2. С. 4–22. [Pranevich A., Petrushkevich A., Lukyanin A. 2022. Modern Global Economy: Rethinking the Essence, Factors of Transformation, Contradictions and New Challenges. *Belorusskiy ekonomicheskiy zhurnal*. No 2. PP. 4–22. (In Russ.)] DOI: 10.46782/1818-4510-2022-2-4-22

Преснякова Е.В. 2022. Межрегиональное сотрудничество Беларуси и КНР в производственной сфере. *Наука и инновации*. № 6. С. 40–45. [Presnyakova E.V. 2022. Interregional Cooperation Between Belarus and China in the Manufacturing Sector. *Nauka i innovatsii*. No 6. PP. 40–45. (In Russ.)] DOI: 10.29235/1818-9857-2022-6-40-45

Филатова А.С. 2015. Инвестиционная безопасность РФ в современных условиях. *Молодой ученый*. № 1. С. 304–307. [Filatova A.S. 2015. Investment Security of the Russian Federation in Modern Conditions. *Molodoy uchenyy*. No 1. PP. 304–307. (In Russ.)]

Хейфец Б.А. 2015. Инвестиционный разворот БРИКС. *Международная жизнь*. № 13. С. 21–44. [Kheifets B.A. 2015. BRICS Investment Pivot. *Mezhdunarodnaya zhizn'*. No 13. PP. 21–44. (In Russ.)]

Agosin M., Machado R. 2007. Openness and the International Allocation of Foreign Direct Investment. *Journal of Development Studies*. Vol. 43. No 7. PP. 1234–1247. DOI: 10.1080/00220380701526410

Mortimore M., Vergara S. 2004. Targeting Winners: Can Foreign Direct Investment Policy Help Developing Countries Industrialize? *The European Journal of Development Research*. Vol. 16. No 3. PP. 499–530. DOI: 10.1080/0957881042000266606

Nicolas F., Thomsen S., Bang M.-H. 2013. Lessons from Investment Policy Reform in Korea. *OECD Working Papers on International Investment* 2013/02. 44 p. DOI: 10.1787/5k4376zqcpf1-en

Ozawa T. 1974. *Japan's Technological Challenge to the West, 1950–1974: Motivation and Accomplishment*. The MIT Press. 176 p.

Sauvant K.P. 2009. FDI Protectionism Is on the Rise. *Policy Research Working Paper 5052*. The World Bank Poverty Reduction and Economic Management Network International Trade Department. 18 p.

POLICY FOR THE ATTRACTION OF DIRECT INVESTMENT: ASYMMETRY OF GLOBAL TRANSFORMATION

Alena Petrushkevich¹ (<https://orcid.org/0000-0001-5962-0405>)

¹ Belarusian State Economic University (Minsk, Belarus).

Corresponding author: Alena Petrushkevich (petrushkevich@list.ru).

ABSTRACT. The article presents the results of a study of changes in the policy of attracting foreign direct investment in groups of countries for the period 2009 – early 2023. It is shown that foreign direct investment (FDI) remains the main object of policy in the field of international direct investment in the world economy, in the regulation of which there is an asymmetry in global transformation. The author demonstrates that in developed countries, among the new changes in FDI policy, restrictive measures of a strict type and a systemic nature began to dominate, while in developing countries and with transitional economies, liberalization and a combination of stimulating and facilitating measures prevail.

KEYWORDS: foreign direct investment, government regulation, FDI policy.

JEL-code: F21, O10.

DOI: 10.46782/1818-4510-2023-2-36-52

Received 26.05.2023

In citation: Petrushkevich A. 2023. Policy for the attraction of direct investment: asymmetry of global transformation. *Belorusskiy ekonomicheskii zhurnal*. No 2. PP. 36–52. DOI: 10.46782/1818-4510-2023-2-36-52 (In Russ.)

